

РУССКОЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ
НАСЛЕДИЕ

Философское краеведение

Посвящается 225-летию П.Я. Чаадаева

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-125-143

Оригинальная исследовательская статья

Original research paper

Итальянское путешествие Петра Чаадаева
Часть II
Рим – Венеция (1825)

А.А. Кара-Мурза

Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация

В статье продолжается исследование обстоятельств путешествия русского философа Петра Яковлевича Чаадаева (1793–1856) по Италии в 1824–1825 гг. На этот раз речь идет о пребывании Чаадаева в Риме (март – апрель 1825 г.) и Венеции (конец мая – начало июня 1825 г.). Особое внимание в статье уделяется интенсивному общению Чаадаева в «Пасхальную неделю» в папском Риме с двумя выдающимися русскими интеллектуалами – крупным теоретиком русского либерализма, историком и экономистом Николаем Ивановичем Тургеневым (1789–1871) и героем антинаполеоновских войн, философом по складу ума и будущим видным декабристом Михаилом Фотиевичем Митьковым (1791–1849). Автор полагает, что переживания, связанные с пребыванием в Риме, и содержательная творческая полемика с также склонными к философствованию Тургеневым и Митьковым способствовали созданию Чаадаевым главных теоретических положений относительно судьбы «католического мира». Автор статьи приходит к выводу о том, что именно Петр Чаадаев явился основоположником исследований в русской философии и культуре плодотворной «темы Колизея», соотношения в европейской культуре античной и христианской традиции. На основе анализа новых источников автор оспаривает устоявшиеся в литературе выводы об обстоятельствах пребывания Чаадаева в Венеции. В статье анализируются также обстоятельства возвращения Чаадаева после загра-

ничного путешествия в Россию в 1826 г., в самый разгар следствия по делу участников «декабристского заговора», а также драматическая судьба, постигшая его товарищей по «римским прогулкам», – декабристов Митькова и Тургенева.

Ключевые слова: П.Я. Чаадаев, Италия, путешествие, Рим, Ватикан, Н.И. Тургенев, М.Ф. Митьков, Венеция, философия истории, религия.

Кара-Мурза Алексей Алексеевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии российской истории Института философии РАН.

a-kara-murza@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0002-0302-6500>

Для цитирования: Кара-Мурза А.А. Итальянское путешествие П.Я. Чаадаева. Часть II: Рим – Венеция (1825) // Философские науки. 2019. Т. 62. № 11. С. 125–143. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-125-143

Pyotr Chaadaev's Journey to Italy. Part Two: Rome – Venice (1825)

A.A. Kara-Murza

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article continues the study of the circumstances of the journey of the Russian philosopher Pyotr Yakovlevich Chaadaev (1793–1856) in Italy in 1824–1825. This time we examine the stay of Chaadaev in Rome (March – April 1825) and Venice (late May – early June 1825). A special attention is paid to Chaadaev's intensive communication during the Holy week in papal Rome with two outstanding Russian intellectuals: the major theorist of Russian liberalism, historian and economist Nikolai Ivanovich Turgenev (1789–1871) and the hero of the anti-Napoleonic wars, future prominent Decembrist Mikhail Fotievich Mitkov (1791–1849). The author believes that the personal experiences of Rome and meaningful creative debate with also prone to philosophizing Turgenev and Mitkov helped Chaadaev to develop main theoretical positions regarding the fate of the Catholic world. The author investigates the influence of “Roman meetings” with talented Russian artists and sculptors – Sylvester Shchedrin, Fyodor Bruni, Samuel Galberg. Based on the analysis of new sources, the author disputes the established conclusions in the literature about the circumstances of Chaadaev's stay in Venice. The article also analyzes the circumstances of Chaadaev's return to Russia in 1826, in the midst of the investigation of the “Decembrist con-

spiracy,” as well as the dramatic fate of Mitkov and Turgenev, his friends during the “Roman walks.” The article concludes that in Russian philosophy and culture Pyotr Chaadaev was the founder of research into the fruitful “Coliseum topic” on the ratio between the ancient and Christian traditions in European culture.

Keywords: P.Y. Chaadaev, Italy, travel, Rome, Vatican, N.I. Turgenev, M.F. Mitkov, Venice, philosophy of history, religion.

Alexei A. Kara-Murza – D.Sc. in Philosophy, Professor, Senior Research Fellow, Head of the Department of the Philosophy of Russian History of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

a-kara-murza@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0002-0302-6500>

For citation: Kara-Murza A.A. (2019) Pyotr Chaadaev’s Journey to Italy. Part Two: Rome – Venice (1825). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 11, pp. 125–143.
DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-125-143

В папском Риме

Решение непременно побывать в «Вечном городе» было принято Чаадаевым, как мы знаем, уже в Италии, в Милане. И на это были важные причины. Дело в том, что 1825-й год был объявлен папой Львом XII «юбилейным», «Святым» годом, но собираясь в 1823 г. в Европу, Чаадаев мог еще не знать об этом. Однако, оказавшись сначала в католической Франции, а потом в Италии, он в полной мере ощутил экстраординарность происходящего. Десятки тысяч паломников со всего католического мира устремились в Рим, желая получить полную индульгенцию за бывшие и будущие грехи¹.

Молодой русский пейзажист Сильвестр Щедрин, пенсионер Российской Академии художеств, с которым Чаадаев будет потом общаться в Риме, так описал религиозный экстаз, охвативший «Вечный город» и его окрестности (где Щедрин часто писал с натуры) уже летом-осенью 1824 г.: «Теперь мы приближаемся к святому году, по всем городам разъезжают миссионеры приготавливать народ к сему торжественному времени; в Альбано я сам был свидетель их поучений... Проповедник становился на возвы-

¹ «Святой год» – юбилейный год от Рождества Христова, празднуется в католическом мире с 1300 г. В 1470 г. папа Павел II выпустил энциклику, согласно которой «юбилейные годы» должны были отмечаться каждые 25 лет, дабы каждое поколение могло реально ощутить величие этого события.

шенное место в первом встретившемся перекрестке и после небольшого поучения колотил себя по голой спине цепями, которые столь остры, что каждым ударом выпускают кровь, народ также оному следовал и колотил себя кому чем пришлось, ужасный крик наполнял городские улицы» [Щедрин 2014, 248].

В письмах Щедрина родным в Россию не раз отмечается, что даже на фоне тягостной, но уже привычной «несказанной скуки» в патриархальной папской столице перспективы «Святого года» выглядели удручающе: «Публичные театры и прочие увеселения в конце нынешнего месяца (декабря 1824 г. – А. К.) запрут на целый год (вот тут-то будет весело)...» [Щедрин 2014, 249].

Но то, что раздражало и отпугивало бонвивана Щедрина, стремящегося поскорее вернуться на любимые пленэры Южной Италии (в Неаполь, Сорренто, Амальфи [Кара-Мурза 2012б, 21–37]), напротив, манило аскетичного и склонного к самоуглублению Чаадаева. К тому же во Флоренции ему стало известным воодушевившее его обстоятельство: оказывается, в те же месяцы, что и он, по Италии путешествовал его старший друг по университету, один из особо ценимых им людей (что, как мы знаем, для Чаадаева была большая редкость) – Николай Иванович Тургенев (1789–1871). Всего за два месяца до приезда Чаадаева во Флоренцию Тургенев был там, а потом отправился на юг – в Рим, Неаполь и, как поговаривали, даже на Сицилию!

Узнав о пребывании Тургенева в Италии, Чаадаев сразу же написал ему из Флоренции (наудачу – в Неаполь) с предложением непременно встретиться: «Любезный Николай Иванович. Мне сейчас сказали, что вы были здесь тому месяца два назад, а отсюда поехали в Рим и Неаполь... Скажите, где можно нам будет свидеться? Напишите ко мне, когда где вы будете; так как *я шатаюсь по свету без всякой цели* (это была сущая правда. – А. К.), то могу приехать куда прикажете... На возвратном пути не заедете ли еще раз в Рим? – Могли бы поболее побыть вместе» [Чаадаев 1991б, 52].

В ответ Тургенев, получивший-таки это письмо, писал 26 февраля 1825 г.² из Неаполя: «Какое удовольствие для меня, любезней-

² В дальнейшем изложении все события, имевшие место на территории Российской империи, как и написанные в России письма, датируются по юлианскому календарю («старому стилю»). Равным образом все, что имеет отношение к событиям в Европе, будет датировано по принятому там григорианскому календарю («новому стилю»).

ший Петр Яковлевич, найти, по возвращении моем из Сицилии, здесь письмо Ваше! Я никак не полагал быть так близко от Вас... Как бы то ни было, вы теперь в Италии и будете к Страстной неделе в Риме (католическая Пасха в том году отмечалась 3 апреля. – А. К.), следственно, я вас увижу... Я также еду отсюда между 15 и 20 марта в Рим. Там увидимся» [Чаадаев 1991б, 418].

Тургенев написал тогда, что думает отказаться от гостиницы «Allemagne» на углу Piazza Spagna и via Condotti, где жил в декабре-январе, т.к. «Франц (хозяин-немец. – А. К.) непременно хочет, чтобы живущие у него в доме у него же и обедали» [Чаадаев 1991б, 418], и, чтобы быть на этот раз более независимым, собирается предпочесть «Albergo dell'Europa» рядом с Испанской лестницей [Чаадаев 1991б, 418–419]. (Этих двух знаменитых в свое время отелей, где некогда жили известные русские, сегодня не существует.)

Итак, рассчитывая на встречу с Николаем Тургеневым, Чаадаев приехал в Рим в середине марта 1825 г. и поселился в «Европе». 19 марта он написал брату в Россию: «Я в Риме. Слава богу, здоров» [Чаадаев 1991б, 418, 52].

В те дни выяснилось, что в той же гостинице проживает еще один русский, ожидающий Тургенева. Это был вышедший отставку по здоровью и теперь путешествующий по Европе (в Париже он слушал лекции по философии и истории) полковник лейб-гвардии Финляндского полка, владимирский дворянин Михаил Фотиевич Митьков (1791–1849) – тоже замечательная в своем роде личность.

...В субботу 26 марта 1825 г. из Неаполя по Новой Аппиевой дороге почтовым дилижансом в Рим приехал Николай Тургенев. В Вечном городе он уже бывал дважды (в первый раз в ноябре-декабре 1811 г., потом в декабре 1824 – январе 1825 гг.) и хорошо знал Рим. По не до конца понятным причинам он поселился в этот раз не на Испанской площади, а рядом с южной таможней в существующей до сих пор гостинице «Albergo Cesari» на via di Pietra. Сюда, в апартаменты друга недалеко от Пантеона, Чаадаев и Митьков в последующие дни будут приходить неоднократно.

Дневники Н.И. Тургенева [Тургенев 2017] – главный на сегодня источник сведений о пребывании Чаадаева в «Вечном городе» – хорошо показывают, как по мере «вживания в Рим» в настроениях трех друзей происходит эволюция. Началось с простого. Недалеко от «Albergo dell'Europa», где жил Тургенев, есть в Риме церковь

Пресвятой Троицы (Santissima Trinita dei Pellegrini), которая с XVI в. считается одним из центров римского паломничества. Заходя туда после походов в Ватикан, Чаадаев и Тургенев поразились некоторым ритуалам, которые в пасхальном Риме соблюдались, оказывается, со всей строгостью.

Так, на «Святой неделе» простые паломники, «пеллегрины», пришедшие в Рим со всей Европы, были окружены нарочитым вниманием со стороны местного клира и даже римской аристократии. Тургенев записал в дневнике о первом посещении церкви Троицы: «Там здешние братья мыли ноги пришедшим пелегринам, и мыли *tout de bon* (всерьез. – *франц.*). Налив воды, стоя на коленях, братья ожидали сигнала. Позвонил колокол; все начали творить молитву *Ave Maria*, и началось умывание. Это повторялось несколько раз с различными пелегринами. В числе мывших я видел арабского архиерея. Говорят, что вчера был в числе их принц Луккский. Потом в предлинной зале кормили пелегринов... Братья им служили. В числе служивших я видел Duc'a di Bonacossi» [Тургенев 2017, 302].

«Не могу дать себе отчета в том впечатлении, которое произвело на меня все это, – отметил Тургенев. – *Тут есть что-то истинно христианское* (курсив мой. – *А. К.*)» [Тургенев 2017, 302]. Действительно, в России обычай омовения ног нищим давно выветрился, и Чаадаев с Тургеневым, скептики по натуре, засомневались: а вдруг и здесь, в центре католического мира, все это – простая имитация? «Что за пелегрины? – поначалу задавался вопросом Тургенев. – Зачем они таскаются по свету? Мудрено себя уверить, чтобы чувство религии одно их к тому побуждало. Особливо слыша, что четверо из них недавно ограбили кого-то на дороге» [Тургенев 2017, 302].

Католические ритуалы «угощения нищих и страждущих», «омовения ног» и т.п., строгость и искренность их соблюдения стали, похоже, предметом споров, а потом и «*idée fixe*» для трех русских путешественников. Но одно дело – приходская церковь; совсем другое – церемония в Ватикане с участием самого папы.

30 марта, в «Святой четверг», все трое в очередной раз отправились в Ватикан: «Пробрались в залу, где делается омовение ног (Sala Clementina Апостольского дворца. – *А. К.*). 13 попов, представляющие всех апостолов (включая св. Павла. – *А. К.*), сидели в белых платьях и белых шапочках, готовые для церемонии. Принесли папу (Льва XII. – *А. К.*). После некоторых молитв он подхо-

дил к каждому из 13, умывал ноги, целовал ноги и давал каждому букет цветов... По окончании сей церемонии мы пробрались в залу (Sala Regia Апостольского дворца. – *А. К.*), где Папа служил сим тринадцати пилигримам за обедом» [Тургенев 2017, 305].

Уходя с утра в Ватикан, Чаадаев, Митьков и Тургенев днем возвращались на правый берег Тибра, гуляли по Монте-Пинчио (сильный дождь пережидали в гостинице у Митькова или Чаадаева), потом обедали в любимой русскими траттории «Лепре» в самом начале *via Condotti*. Гуляя на вилле Боргезе, не раз видели престарелую Марию Рамолино, мать Наполеона Бонапарта, которая после падения и ссылки сына проживала в Риме в приобретенном ею Палаццо д'Асте Бонапарте на Площади Венеции, а также младшего брата Наполеона – Жерома и его вторую жену Катарину Вюртембергскую [Тургенев 2017, 305].

Пасхальное богослужение 3 апреля 1825 г. произвело, конечно, впечатление на русских путешественников. Но кульминацией торжеств стала вечерняя иллюминация на площади св. Петра. Тургенев записал в дневнике: «После обеда, посидев на Monte Pincio, поехали в 5 часов на площадь (св. Петра. – *А. К.*). Вошли в церковь... Когда стало смеркаться, вышли на площадь, маленькая иллюминация уже началась. Горели фонари по карнизам церкви и колоннады. В $\frac{3}{4}$ 8-го, по удару колокола, вдруг зажглись везде большие площадки – вид единственный. В одну минуту вся эта громада, купол, церковь, колоннада, сияла. Тогда-то купол (построенный по чертежам самого Микельанджело. – *А. К.*) – эта осуществленная смелость мысли человека, представился во всей своей огромности, в настоящем своем виде» [Тургенев 2017, 309].

Потом путешественники отправились на правый берег Тибра, на Monte Pincio, чтобы оттуда, сверху и на некотором расстоянии взглянуть на иллюминированный Собор: «Тут было торжество купола. Как огромная митра, он возвышался над всем Римом. Все окружающее его было покрыто темнотой ночи. Один он возвышался, как Этна, над Римом» [Тургенев 2017, 309]. Наши соотечественники подумали тогда о символичности этой картины для многих тысяч других «пеллегринов», стремящихся в Вечный город со всех концов света: «Сколько мыслей о новом Риме, о сем средоточии католического мира. Ватиканская базилика в огне посреди развалин и пустыни!» [Тургенев 2017, 309–310].

Из записей Тургенева следует, что в те весенние недели в «Вечном городе» они с Чаадаевым беспрестанно спорили о ситуации в России. Возвращаясь из Ватикана («луна светила; ночь была тихая, теплая»), они обычно заходили в гостиницу к Чаадаеву и долго обсуждали новости о новых перестановках при русском Дворе из привезенных Чаадаевым из Флоренции газет [Тургенев 2017, 305].

«Тема Колизея»

А еще Тургенев, Чаадаев и Митьков много катались по Риму верхом. Вот запись Тургенева от 30 марта: «Вчерашнее утро было, конечно, одним из приятнейших в моей жизни... Прочитав газеты, я встретил Чаадаева и пошел к нему. В 12 часов мы сели все трое на лошадей и поехали мимо Траяновой колонны на Форум. Смотрели на прелестные его развалины. Объехали около Колизея, отчасти под его огромными арками. – “Скифы ездили по Колизею”, – заметил Чаадаев» [Тургенев 2017, 304].

Колизей – главное открытие Чаадаева в Риме. Именно ему он посвятит большой историософский пассаж, который был найден кн. Д.И. Шаховским в архиве Чаадаева и который он посчитал правильным опубликовать в качестве «приложения» к седьмому «Философическому письму»: «В этом самом Риме, о котором столько толкуют, осматривать который все ездят и который так мало понимают, имеется удивительный памятник, о котором можно сказать, что это древнее произведение, продолжающее жить и поныне, деяние другого века, остановившееся среди течения времени: это Колизей» [Чаадаев 1991a, 418].

«На мой взгляд, – продолжает Чаадаев, – нет исторического явления, которое пробуждало бы столько глубоких мыслей, как вид этой развалины, которое бы лучше выявляло характерные черты двух эпох человечества... Эта арена, куда римский народ толпами приходил упиваться кровью, где весь мир язычества так верно отражался в ужасающей игре, где вся жизнь того времени развертывалась в своих живейших наслаждениях, в своих самых блестящих торжествах... И там же впервые пролилась кровь, оросившая основание нового здания. Не стоит ли этот памятник целой книги?» [Чаадаев 1991a, 418].

В своих историософских заметках о Колизее Чаадаев вступил в прямую полемику с главным авторитетом на тот момент – английским историком Эдуардом Гиббоном, автором много-томной «Истории упадка и разрушения Римской империи»,

прочитанной Чаадаевым в английском оригинале: «Между толп путешественников, стекающих в Рим, нашелся, впрочем, один, который при взгляде на памятник с соседней и также знаменитой высоты, с которой он мог наблюдать памятник в его поразительном обрамлении (с Палатинского холма. – А. К.), по его же словам, вообразил себе, что он воочию видит, как развертываются перед его глазами века, объясняющие ему загадку своего движения. И что же? Этот человек заметил там только шествия триумфаторов и капуцинов!.. Как будто там ничего не происходило помимо триумфов и процессий» [Чаадаев 1991а, 418, 420]. «Мелкая и жалкая идея, – заключает Чаадаев, – которая принесла нам лживое произведение, столь известное всем: настоящее поругание со стороны одного из самых великолепных человеческих гениев, какие когда-либо были!» [Чаадаев 1991а, 420].

Чаадаев, по сути, явился одним из первооткрывателей в нашей литературе плодотворной в историософском отношении «темы Колизея», которая стала отчетливо приоритетной и как-то особенному интимной в контексте русских размышлений о «Вечном городе».

Юный Иван Тургенев, с детства бредивший античностью (а потом и профессионально изучавший ее в Москве, Петербурге, Берлине), сделал именно ночной Колизей декорацией своей первой, еще полудетской поэмы «Стено» (1834)... (см.: [Кара-Мурза 2018, 127–128; Kara-Murza 2018, 434–443]).

Когда весной 1839 г. в Рим приехал историк Михаил Погодин, его приятель Николай Гоголь на правах «римского старожила» сразу потащил его в Колизей: «Посередине, на небольшом деревом возвышении, стоит простой деревянный крест с изображением распятого Господа. Мы прилегли у подножия. День был прекрасный. Солнце сияло. Тишина восхитительная... Только птички пели так приятно, так беззаботно, так весело! А как расстилается плющ по этим развалинам... кое-где мелькают весенние цветочки... Что за спокойствие было на сердце. Как все хорошо это: и небо, и воздух, и этот плющ, и птички, и этот смиренный крест... на месте боев гладиаторских со львами и тиграми, где лилась кровь, и сто тысяч рукоплескало победителям!» [Погодин 1844, 10]. Тогда, в римском Колизее, славянофил Погодин искренне сказал «римлянину» Гоголю: «Оставайся, брат, здесь... Я понимаю, что ты мог зажитья. Твои теперешние впечатления принесут Отечеству плод сторицею» [Погодин 1844, 10].

Молодой Макс Волошин, путешествовавший по Италии летом 1900 г., достигнув Рима, пошел с друзьями в Колизей (запись в дневнике: «15 июля, 12 часов ночи»), где они наперебой сочиняли шуточные «стихи-пугалки» на тему Колизея: «Спит Великан Колизей, // Смотрится месяц в окошки, // Тихо меж черных камней // Крадутся черные кошки...» (см.: [Кара-Мурза 2014, 265]). Этих безобидных созданий юный ироничный поэт полностью в чаадаевской традиции назвал «потомками пантер», «скушавших столько народу // Всем христианам в пример, // Черни голодной в угодую...» [Кара-Мурза 2014, 265].

А когда перед Первой мировой войной русский литератор Михаил Осоргин водил экскурсии по Риму для групп русских учителей, кульминацией программы было посещение ночного Колизея, где русские «скифы», пользуясь определением Чаадаева, дикими голосами хором распевали «Вниз по матушке по Волге» [Кара-Мурза 2014, 265].

Прощание с «Вечным городом»

...12 апреля, за два дня до отъезда из Рима, Николай Тургенев записал в дневнике: «Теперешнее мое пребывание в Риме будет для меня особенно памятно. Я прожил здесь с лишком две недели, ездя, ходя с таким человеком, каков Чаадаев, по развалинам Рима. Кроме приязни давнишней, общество его для меня весьма дорого и по его умному разговору, по вниманию, которое он обращает на все предметы физические и нравственные»³ [Тургенев 2017, 315].

Этот день они провели так: «Почитав газеты, пошли все трое в Ватикан... Оттуда пешком же прошли на Monte Citorio и, выпив по чашке шоколада, поехали на Виллу Боргезе. Там расположились в тени на траве и болтали, спорили о России... Потом приехали к обеду. И тут толковали о религии и проч. Потом в Café и, наконец, на Corso, разговаривая с Чаадаевым, мы согласились, что мы жизнь нашу *verfangt* (запутали. – нем.) и сами никуда не годимся» [Тургенев 2017, 315–316].

³ О днях, проведенных в Риме, Николай Тургенев рассказал в письме брату Сергею от 13 апреля 1825 г.: «Часто мне казалось весьма странным, что случай привел меня в Рим вместе с Чаадаевым. Я его всегда любил и уважал, но теперь более, чем когда-либо, умею ценить его. В продолжении всего путешествия голова его весьма хорошо образовалась. Размышления и болезнь (и он терпит от желудка) сделали, однако же, его несколько мрачным...» [Тургенев 1936, 458].

А вот и последний вечер Тургенева в Риме, 13 апреля: «Уклавшись, пошел на улицу. Мне было очень, очень грустно. Оставляю Рим весьма неохотно, потому что оставляю Чаадаева, с которым мне так было хорошо!.. С Чаадаевым тем хорошо, что он и сам рассуждает, и меня заставляет рассуждать... Дилижанс едет в час пополудни...» [Тургенев 2017, 315–316].

Авторы примечаний ко второму тому «Полного собрания сочинений и избранных писем» Чаадаева, конечно, ошибаются, когда пишут (в комментарии к флорентийскому письму Чаадаева к Николаю Тургеневу от 6 февраля 1825 г.): «Чаадаев и Н.И. Тургенев съехались в Риме и прожили там *около двух месяцев* (курсив мой. – А. К.)» (см.: [Чаадаев 1991б, 301]). Причиной ошибки является неверная трактовка фрагмента из письма самого Чаадаева к брату Михаилу от 25 мая 1825 г. о пребывании в Риме: «Я провел там два приятных месяца, отгадай с кем? С старым и добрым своим приятелем Ник. Тургеневым» [Чаадаев 1991б, 54]. Дневник самого Николая Тургенева однозначно свидетельствует, что он на этот раз прожил в Риме без малого *три недели*: приехал в Рим в субботу 26 марта и уехал в четверг 14 апреля 1825 г. Что касается Чаадаева, то он действительно прожил в Риме два месяца: приехав в Вечный город на неделю раньше Тургенева, он покинул его спустя примерно месяц после отъезда друга.

После Рима

После Рима Чаадаев поехал не на юг, в Неаполь, как планировал, а снова во Флоренцию. 25 мая 1825 г. он писал оттуда брату: «Вместо Неаполя очутился я во Флоренции... Главное ветер, называемый *сирокко*, про который ты, вероятно, слыхал, но того, конечно, об нем не знаешь, что для сложений, подобных моему, он убийственная вещь, – в Риме испытал я его действие, бегу от него на север» [Чаадаев 1991б, 53].

Из того же письма следует, что в столице Тосканы Чаадаев был на этот раз две недели, примерно с 13 по 27 мая (похоже, он задержался там, чтобы вновь насладиться богатствами «литературного кабинета» в Палаццо Буондельмонте [Кара-Мурза 2016а, 117–125]), а после этого отправился в Венецию.

Маршрут путешественника средней руки из Флоренции в Венецию занимал во времена Чаадаева четыре полных дня и был

настолько «отработан», что мы смело можем назвать все основные вехи этого пути. Путь проходил через Апеннины на Болонью, потом на Феррару, где папские владения кончались. На берегу реки По путешественники пересаживались в почтовую гондолу, на борту которой достигали устья По, выходили в Адриатику и, минуя Кьоджу, по Венецианской лагуне приплывали в «город на воде».

В карлсбадском письме Чаадаева брату от 28 августа 1825 г. есть очень странный фрагмент о его пребывании в Венеции: «Я был там (в Венеции. – *А. К.*) в самое то время, в которое в старину бывал там карнавал, а выехал в самый день, в который Дождь, бывало, пирует свою свадьбу с морем...» [Чаадаев 1991б, 55].

Б.Н. Тарасов, автор интересной биографии Чаадаева, попытался объяснить его поведение: «Во Флоренции он задержался на две недели и лишь затем продолжил свой путь в Венецию, резкое своеобразие которой должно было остановить на себе его внимание... В свое время он специально задержался в Лондоне, чтобы посмотреть праздник Лорда Мэра. А сейчас без сожаления покидает город в день не менее интересного торжества, когда венецианский Дождь “пирует свою свадьбу с морем”. Рим, “единственный Рим”, вытеснил все мыслимые и немыслимые итальянские впечатления» [Тарасов 2017, 219].

Увы, авторитетный исследователь в данном случае пошел по ложному пути. В 1825 г., когда Чаадаев был в Венеции, там, конечно, не было и не могло быть никакого праздника «свадьбы дождя с морем». По очень простой причине: последний дождь Венеции был низложен Наполеоном еще в 1797 г.! А потом французские солдаты разграбили и сожгли знаменитый «Бученторо» – украшенный золотом корабль дождя, на борту которого во времена Республики, собственно, и проходил обряд «обручения с морем». Биограф, к сожалению, просмотрел в чаадаевском письме брату ключевое слово: «*бывало*» (т.е. «бывало в прошлом»).

Странность чаадаевского письма брату состоит в том, что фраза: «выехал в самый день, в который Дождь, бывало, пирует... и т.д.» – это явная мистификация. Не только по причине отсутствия тогда самого праздника, но и потому, что ритуал «обручения дождя с морем» всегда совершался в свободной еще Венеции в праздник Вознесения, т.е. на 40-й день после Пасхи. В 1825 г. это был четверг 12 мая, когда Чаадаев был еще на пути из Рима во Флоренцию.

Мистификацией являются и слова Чаадаева: «я был там в самое то время, в которое в старину бывал там карнавал...». Венецианский карнавал, запрещенный Наполеоном, а потом и австрийцами, традиционно праздновался, как и всякая масленица, *в феврале*. Последний день карнавала, его кульминация – Жирный Вторник; за ним следует сорокадневный пост перед Пасхой.

Закономерен вопрос: зачем понадобились Чаадаеву все эти «венецианские сказки»? Похоже, прав М.О. Гершензон, обративший внимание на общие особенности писем Чаадаева к тетке и брату из-за границы: «Он знает, что и они живут в непрерывной тревоге за него, главное – за его здоровье, и потому старается в письмах казаться бодрым и даже веселым. Поэтому его письма представляют собою своего рода *систематический обман* (курсив мой. – А. К.) – очень обычный спутник пугливо-нежной семейственности. Разумеется, этот обман не всегда удается скрыть» [Гершензон 2010, 213]. «Венецианские сказки» Чаадаева – характерный тому пример (см.: [Жукова 2011, 6; Кара-Мурза 2012а, 27–44]).

Но и это не самое главное. Ключевое слово в письме Чаадаева о Венеции – ностальгическое «*бывало*». Русский путешественник не мог не сочувствовать свободной Республике дождей, задавленной сначала Наполеоном, а теперь и Австрийской империей, цинично подчинившей Венецию еще и своему миланскому вице-королю из Габсбургов⁴. Уверен, что, приехав в Венецию (в каком отеле он поселился, нами пока не установлено), Чаадаев только и слышал вокруг: «А *бывало*, здесь в мае был грандиозный праздник обручения дожа с морем! Но дожа свергли, а его корабль – сожгли... А какой карнавал здесь раньше был на масленицу!...»

...Судя по письмам, Чаадаев довольно скоро оказался потом в Карлсбаде. Это означает, что летом 1825 г. он практически без остановок проследовал из Венеции обычным для путешественников того времени маршрутом: выехал из Венеции почтовой гондолой до Фузино; потом ехал дилижансом через Падую, Верону⁵,

⁴ Во времена Чаадаева даже католический патриарх оккупированной Венеции назначался австрийским императором (и по совместительству ломбардо-венецианским королем) Францем I. В 1825 г. венецианским первоиерархом был венгр по национальности Иоганн Ладислаус (Янош Ласло) Пиркер.

⁵ Очень вероятно, что в Вероне Чаадаев посмотрел в числе главных достопримечательностей и Palazzo Canossa, где в ноябре-декабре 1822 г. жил участвовавший в Веронском конгрессе «Священного союза» импе-

Триэнт (Тренто)⁶ и Боцен (Больцано). Далее его путь лежал через альпийский перевал Бреннер в австрийский Инсбрук. Кстати, менее чем за год до этого, в сентябре 1824 г., этот же путь – только в обратном направлении – проделал, путешествуя из центральной Европы в Италию, Николай Тургенев.

Возвращение в Россию

Первым из трех друзей, вместе гулявших по весеннему Риму, в Россию вернулся Михаил Митьков – осенью 1825-го к этому еще не было никаких препятствий. Его дальнейшая судьба сложилась драматически. Переполненный европейскими впечатлениями, немного окрепший Митьков не смог усидеть во владимирском имении, читая привезенные из Европы книги по философии и истории, и снова окунулся в круговорот политической жизни, став одним из лидеров московских «заговорщиков».

После декабрьского восстания на Сенатской площади он был арестован и приговорен к «политической смерти по 2-му разряду», позднее замененной царем Николаем 20-летней каторгой. Митьков прошел все «круги ада»: Свеаборгскую, Свартгольмскую, Кексгольмскую крепости, потом Читинский острог и каторжную тюрьму в Петровском заводе. Переведенный на поселение, жил в Иркутске, потом в Красноярске, где и скончался в 1849 г.

Николай Тургенев, будучи одним из идейных вдохновителей «декабризма», отказался тогда возвращаться на родину. Он посетит Россию только глубоким стариком, после амнистии, объявленной Александром II. Скончается в своем поместье во Франции в 1871 г.

Петр Чаадаев, мы знаем, был задержан по возвращении летом 1826 г. на русской границе [Шаховской 1935, 16–32]. Совершенно очевидно, что именно его открытость и мужество обезоружили молодого Николая I, видимо посчитавшего сам факт возвращения признаком лояльности (за четверть века до этого так же повела себя Екатерина II в отношении молодого Карамзина

ратор Александр I, к которому у Чаадаева всегда было очень личностное отношение.

⁶ Главной достопримечательностью итальянского городка Тренто является церковь Santa Maria Maggiore, где в 1545–1563 гг. проходили заседания Тридентского собора – вселенского собора католической церкви, решения которого стали программой Контрреформации.

(см.: [Кара-Мурза 2016а, 59–68; Кара-Мурза 2016б; Kara-Murza 410–421])).

Поэт русского Серебряного века, знаток Италии и творчества Чаадаева Осип Мандельштам очень точно заметил, что сам факт возвращения Чаадаева в Россию в переломный для нее момент истории имел огромный смысл: «Когда Борис Годунов, предвосхищая мысль Петра, отправил за границу русских молодых людей, ни один из них не вернулся. Они не вернулись по той простой причине, что нет пути обратно от бытия к небытию, что в душной Москве задохнулись бы *вкусившие бессмертной весны неумирающего Рима* (курсив мой. – А. К.)» [Мандельштам 1998, 406]. «Но ведь и первые голуби, – продолжает Мандельштам, – не вернулись обратно в ковчег. Чаадаев был первым русским, в самом деле идейно побывавшим на Западе и нашедшим дорогу обратно. Современники это инстинктивно чувствовали и страшно ценили присутствие среди них Чаадаева. На него могли показывать с суеверным уважением, как некогда на Данта: “Этот был там, он видел – и вернулся”...» [Мандельштам 1998, 406].

Заключение

Феномен Чаадаева вот уже два столетия будоражит умы тех, кто всерьез задумывается об исторических судьбах России. С годами русские интеллектуалы наряду с пополнившимся знанием о жизни Чаадаева обрели еще одну возможность – свободно и много *путешествовать* и, соответственно, *лично пережить* опыт общения с реальной Европой, в т.ч. с так увлекшим Чаадаева католическим миром.

Весной 1839 г., незадолго до Пасхи, в Рим приехал один из лидеров русского славянофильства, профессор истории Московского университета Михаил Погодин. Осмотрев «римские древности» под водительством Гоголя, он вынужден был признать: «В наше время нельзя быть ни профессором археологии, ни профессором истории без путешествия. Я вообразить себе не могу, что я говорил о Риме по книгам, не видав его памятников» [Погодин 1844, 12]. А потом занес в дневник нетривиальную мысль о вожде антипапской Реформации Мартине Лютере: «В нем, кажется, ни на грош не было эстетического образования, и потому он видел в Риме только развратных капуцинов, против которых и вооружился» [Погодин 1844, 12].

В те дни у Погодина состоялся в Риме еще один разговор, абсолютно в чаадаевском духе: он нанес «визит вежливости» московскому генерал-губернатору князю Д.В. Голицыну, находившемуся в те дни в Вечном городе. Погодин и Голицын поговорили «о Риме, о духовном единстве, о политических единствах, о гордости Папы» и согласились в том, что «Папа хотя и христианин, а все-таки древний римлянин...» [Погодин 1844, 12].

В апреле 1901 г. аналогичный опыт *личного общения с Римом* получил один из самых известных оппонентов Чаадаева в отечественной культуре – философ и литератор Василий Розанов, также побывавший на Страстной неделе в Вечном городе. Обладавший культурной интуицией и несомненным литературным талантом, Розанов оставил очерки о торжественной службе в Соборе св. Петра в Великую пятницу (21 апреля), а потом и на католическую Пасху (23 апреля). Эти церемонии, которые вел видный католический теолог и политик, государственный секретарь Святого престола кардинал Мариано Рамполла, произвели большое впечатление на Розанова, дважды проводшего по несколько часов в окружении истинных католиков. И он, скорее всего, не отдавая себе в том отчета, написал по следам своего пребывания в пасхальном Риме... абсолютно «чаадаевские» тексты!

Читаем у Розанова: «Насколько в современном итальянце много выродившегося, размягченного, нежного, настолько в... фигурах, передо мной сидевших, было много богатства крови и сил»; «католицизм вобрал в себя все талантливое из расы и оставил в политике, торговле, литературе обеды своего вкусного завтрака»; «сила – вот отличие, вот сущность Рима»; «там есть бесконечная дисциплина. Но это дисциплина не мертвая, а живая» [Розанов 1994б, 85–88]... и т.п.

Сам, по-видимому, удивившись своей обнаружившейся «любви к Риму», Розанов отнес ее на счет своего *эстетического* чувства и *православного* отношения к миру: «Буду рассказывать с любовью, понеже православному подобает все любить. Прежде всего – бездна вкуса разлита во всем. Это вы замечаете, едва из прозаической и безвкусной Австрии, с ее пирожками, немцами, кофе и сливками, спускаетесь в Италию...» [Розанов 1994а, 100].

Удивительно, но в 1913 г. в петербургской газете «Новое время» тот же самый Розанов, который двенадцать лет назад восхищался красноречием кардинала Рамполлы, «силой» и «бесконечной живой дисциплиной» католицизма, очередной раз обернулся непри-

миримым православным идеологом и написал несправедливые слова в адрес Чаадаева, который в своей историософии якобы «развивал ту мысль, что Россия и Восток... остаются деревней, не слушая католической мессы и не слушая красноречивых итальянских и французских проповедников (курсив мой. – А. К.), таких же бритых, как сам Чаадаев» [Розанов 1998, 361]. И при этом зачем-то обозвал великого москвича Чаадаева «маленьким петербургским католиком» [Розанов 1998, 361]...

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Гершензон 2010 – *Гершензон М.О.* П.Я. Чаадаев. Жизнь и мышление // Гершензон М.О. Избранные труды в 2-х частях. Часть 2. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 180–301.

Жукова 2011 – *Жукова О.А.* Духовный опыт и культура разума: религиозно-философская традиция в университетском образовании // Культурологический журнал. 2011. № 1 (3).

Кара-Мурза 2012а – *Кара-Мурза А.А.* Как идеи превращаются в идеологии: российский контекст // Философский журнал. 2012. № 2 (9). С. 27–44.

Кара-Мурза 2012б – *Кара-Мурза А.А.* Сильвестр Феодосиевич Щедрин // *Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские в Амальфи. – М.: Альтекс, 2012. С. 21–37.

Кара-Мурза 2014 – *Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские о Риме. – М.: Изд-во О. Морозовой, 2014.

Кара-Мурза 2016а – *Кара-Мурза А.А.* Петр Яковлевич Чаадаев // *Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские о Флоренции. – М.: Изд-во О. Морозовой, 2016. С. 117–125.

Кара-Мурза 2016б – *Кара-Мурза А.А.* Философские дилеммы «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина // Философские науки. 2016. № 11. С. 55–68.

Кара-Мурза 2016в – *Кара-Мурза А.А.* Швейцарские странствия Николая Карамзина. 1789–1790. – М.: Аквилон, 2016.

Кара-Мурза 2018 – *Кара-Мурза А.А.* Рим Ивана Тургенева (1840) // Философские науки. 2018. № 7. С. 124–142.

Мандельштам 1998 – *Мандельштам О.* Петр Чаадаев // П.Я. Чаадаев: Pro et Contra. – СПб.: РХГИ, 1998. С. 401–406.

Погодин 1844 – *Погодин М.П.* Год в чужих краях (1839). Дорожный дневник. Ч. I–IV. – М.: типография Н. Степанова, 1844.

Розанов 1994а – *Розанов В.В.* Рим. Пасха в соборе св. Петра // *Розанов В.В.* Иная земля, иное небо... Полное собрание путевых очерков 1899–1913 гг. – М.: Танаис, 1994. С. 100–105.

Розанов 1994б – *Розанов В.В.* Рим. Страстная пятница в соборе св. Петра // *Розанов В.В.* Иная земля, иное небо... Полное собрание путевых очерков 1899–1913 гг. – М.: Танаис, 1994. С. 85–88.

Розанов 1998 – *Розанов В.В.* Чаадаев и князь Одоевский // П.Я. Чаадаев: Pro et Contra. – СПб.: РХГИ, 1998. С. 360–369.

Тарасов 2017 – Тарасов Б.Н. Чаадаев. Жизнь. Личность. Творчество // Тарасов Б.Н. Избранные труды в 4 т. Т. 1. – СПб.: Алетейя, 2017. С. 109–513.

Тургенев 1913 – Дневники Николая Ивановича Тургенева за 1811–1816 гг. / под ред. Е.И. Тарасова. – СПб.: типография Императорской АН, 1913.

Тургенев 1936 – Декабрист Н.И. Тургенев. Письма к брату С.И. Тургеневу. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1936.

Тургенев 2017 – Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева. Т. IV: Путешествие в Западную Европу. 1824–1825 / под ред. М.Ю. Кореньевой. – СПб.: Нестор-История, 2017.

Чаадаев 1991a – Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма в 2 т. / под ред. З.А. Каменского. Т. I. – М.: Наука, 1991.

Чаадаев 1991b – Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма в 2 т. / под ред. З.А. Каменского. Т. II. – М.: Наука, 1991.

Шаховской 1935 – Шаховской Д.И. П.Я. Чаадаев на пути в Россию в 1826 году // Литературное наследство. 1935. Т. 19–21. С. 16–32.

Щедрин 2014 – Итальянские письма и донесения Сильвестра Феодосьевича Щедрина. 1818–1830. – М.; СПб.: Альянс-Архео, 2014.

Kara-Murza 2017 – Kara-Murza A.A. Traveler or Fugitive? A New Reading of Nikolai Karamzin's Letters of a Russian Traveler // Russian Studies in Philosophy. 2017. Vol. 55. No. 6. P. 410–421.

Kara-Murza 2018 – Kara-Murza A.A. Spiritual Rebirth: Ivan Turgenev's 1840 Trip to Rome // Russian Studies in Philosophy. 2018. Vol. 56. No. 5. P. 434–443.

REFERENCES

Chaadaev P.Y. (1991) *Complete Works and Selected Letters in 2 Vols.* (Z.A. Kamensky, Ed.). Moscow: Nauka (in Russian).

Gershenson M.O. (2010) P.Y. Chaadaev. Life and Thinking. In: Gershenson M.O. *Selected Works in 2 Parts* (part 2, pp. 180–301). Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2012a) How Ideas Turn into Ideologies: Russian Context. *The Philosophy Journal*. 2012. No. 2, pp. 27–44 (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2012b) Sylvester Feodosevich Shchedrin. In: Kara-Murza A.A. *Famous Russians in Amalfi* (pp. 21–37). Moscow: Altex (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2014) *Famous Russians about Rome*. Moscow: Olga Morozova Publishing (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2016a) Pyotr Yakovlevich Chaadaev. In: Kara-Murza A.A. *Famous Russians about Florence* (pp. 117–125). Moscow: Olga Morozova Publishing (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2016b) The Philosophical Dilemmas of “Letters of a Russian Traveler” of N.M. Karamzin. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2016. No. 11, pp. 55–68 (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2016c) *Swiss travels of Nikolai Karamzin. 1789–1790*. Moscow: Aquilon (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2017) Traveler or Fugitive? A New Reading of Nikolai Karamzin's Letters of a Russian Traveler. *Russian Studies in Philosophy*. Vol. 55, no. 6. pp. 410–421.

Kara-Murza A.A. (2018) Spiritual Rebirth: Ivan Turgenev's 1840 Trip to Rome. *Russian Studies in Philosophy*. Vol. 56, no. 5, pp. 434–443.

Mandelstam O. (1998) Pyotr Chaadaev. In: Ermichev A.A. & Zlatopolskaya A.A. (Eds.) *P.Y. Chaadaev: Pro et Contra* (pp. 401–406). St. Petersburg: RKhGI (in Russian).

Pogodin M.P. (1844) *Year in Foreign Lands (1839). Travel Diary*. Moscow: Stepanov Publishing (in Russian).

Rozanov V.V. (1994a) Rome. Easter in St. Peter's Cathedral. In: V.V. Rozanov. *Another Land, Another Sky... Complete Collection of Travel Essays of 1899–1913* (pp. 100–105). Moscow: Tanais (in Russian).

Rozanov V.V. (1994b) Rome. Good Friday in the Cathedral of St. Peter. In: Rozanov V.V. *Another Land, Another Sky... Complete Collection of Travel Essays of 1899–1913* (pp. 85–88). Moscow: Tanais (in Russian).

Rozanov V.V. (1998) Chaadaev and Prince Odoyevsky. In: Ermichev A.A. & Zlatopolskaya A.A. (Eds.) *P.Y. Chaadaev: Pro et Contra* (pp. 360–369). Saint Petersburg: RKhGI (in Russian).

Shakhovskoy D.I. (1935) P. Y. Chaadaev on the Way to Russia in 1826. *Literaturnoye nasledstvo*. Vol. 19–21, pp. 16–32 (in Russian).

Shchedrin S.F. (2014) *Italian letters and reports of Sylvester Feodosievich Shchedrin. 1818–1830*. Moscow: Alyans-Arkheo (in Russian).

Tarasov B.N. (2017) Chaadaev. Life. Personality. Creativity. In: Tarasov B.N. *Selected Works in 4 Vols.* (Vol. 1, pp.109–513). St. Petersburg: Aletheia (in Russian).

Turgenev N.I. (1913) *Diaries of Nikolay Ivanovich Turgenev. 1811–1816* (E.I. Tarasov, Ed.). Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Press (in Russian).

Turgenev N.I. (1936) *Decembrist N.I. Turgenev. Letter to Brother S.I. Turgenev*. Moscow: USSR Academy of Sciences Press (in Russian).

Turgenev N.I. (2017) *Diaries and Letters of Nikolai Ivanovich Turgenev. Vol. 4: Journey to Western Europe. 1824–1825* (M.Y. Korenev, Ed.). Saint Petersburg: Nestor-Istoriya (in Russian).

Zhukova O.A. (2011) Spiritual Experience and Culture of Mind: Religious and Philosophical Tradition in University Education. *Kul'turologicheskii zhurnal*. 2011. No. 1 (in Russian).